Электропоезда по восстановленному направлению «Улан-Удэ – Мысовая» и обратно будут ходить три раза в неделю.

ГАЗЕТА «УЛАН-УДЭ» №22 (31 июля 2015 г.)

С Ниной Глазковой беседовала Дулма Баторов

Нина Глазкова: «Мы все хотели защитить родину»

Все молодые, 16 — 18 летние комсомольцы, просились на фронт. Военкоматы, райкомы, горкомы были забиты молодежью. Военкомат готовил курсы по военным специальностям, где учили стрелять, обращаться с минометами, пулеметами. А общество Красного Креста начало готовить сандружинниц и медсестер. Я и выбрала эти курсы.

В нашей группе набралось 30 человек, преподавала Екатерина Александровна Танская. Я была во второй группе, всего же организовали две группы сандружинниц.

После окончания курсов первая группа уехала на фронт. Но по пути они попали под бомбежку, и девчонки погибли...

Мы же дежурили вечерами по городу, вели контроль за светомаскировкой, состоянием водоколонок.

РАНЕНЫХ ВЫГРУЖАЛИ НОЧЬЮ

В Улан-Удэ почти все школы были переоборудованы под госпитали. Начальником эвакогоспиталя №71, куда меня направили, был полковник медицинской службы по фамилии Драгун. Санитарный госпиталь №71 располагался там, где сегодня физиополиклиника на ул. Куйбышева. Всю эту территорию, а также площадь в Доме пионеров имени Постышева, занимал наш госпиталь. Во дворе располагались повозки и машины.

На Санрампу, где сегодня база Буркоопсоюза, подгоняли пассажирские специальные поезда, оборудованные для перевозки раненых.

Поезда приходили ночью. Мы собирались «по цепочке»: телефонной связи нет, знаем только, кто где живет. Одной сказали и дальше по «цепочке». Сколько соберется, столько и соберется: не все же были свободны, у всех была своя работа. Когда девочки ушли на фронт, меня взяли инструктором райкома Красного Креста. Председателем обкома Красного Креста была Валентина Борусенко, председателем горкома — Лидия Соловьева, в райкоме — Лиза Колмакова и я.

Кто свободен от работы, шли разгружать. Какая зарплата? Бесплатно. Нет, нас не кормили, кто, как мог, дома питался.

Врачи писали историю болезни, давали указание, кого в какой госпиталь везти. И мы развозили раненых по госпиталям. Они тяжелые, все почти в гипсе, трудно было поднимать носилки... И так весь 1943 год.

ВСЁ ПЕРЕЖИЛИ

В конце 1943-го пришел приказ из Москвы о том, чтобы наш 71-й госпиталь зачислить в действующую армию, на Второй Прибалтийский фронт. В транспортном отделе одна должность была свободной. Я, командир сандружины, стала уговаривать начальника транспортного отдела, майора медицинской службы Леонида Петровича Балова, взять меня на фронт. И он не отказал. Зачислили меня диспетчером транспортного отдела госпиталя.

Мы, врачи, медсестры, санитары, шоферы, ехали в товарных вагонах, оборудованных под «санитарные летучки», с носилками в два яруса, а начальство — в пассажирских. До фронта добирались целый месяц, потому что пропускали военные составы, эшелоны с солдатами, военной техникой. И только в конце декабря прибыли на Второй Прибалтийский фронт в город Калинин, сейчас Тверь. Сразу же начали принимать раненых с передовой. Бомбежки, снаряды — всё было, всё пережили. И так наш госпиталь двигался вслед за фронтом и собирал раненых. На своем поезде мы проезжали через Ржев, Витебск, Новгород… до границы с Польшей.

Фото из архива Нины Глазковой

— Бывало, что не хватало мест?

— Хватало, поездов было много. Во всех городах формировались такие санпоезда.

— Много раненых умирало?

— Ой, много. В поездах, может, меньше, но в госпиталях — много. Как известно, на передовой в войну в каждом батальоне действовали медсанбаты, именно они первыми принимали с поля боя «горячих» раненых. Медработники обрабатывали раны, оказывали первую помощь. И какой транспорт подвернется — на машинах, лошадях — подвозили на большую станцию, где стояли санитарные летучки на рельсах, то есть мы. Тут же грузили в санлетучки, а санлетучки — ближе к тылу. Разгружали и снова на какой-то большой станции принимали раненых и развозили по прифронтовым госпиталям, расположенным, как и в Улан-Удэ, в зданиях школ и других учреждений по всей стране. Там легкораненых быстро вылечивали и отправляли снова на передовую, да бойцы и сами убегали на фронт, а тяжелораненых — в глубокий тыл, где им предстояло долгое лечение.

> Военно-санитарная летучка – разновидность временного военно-санитарного поезда, состоявшая из оборудованных товарных вагонов и предназначавшаяся для эвакуации раненых и больных на короткие расстояния.

Наш эвакогоспиталь №71 считался военным, наша полевая почта — № 06144, у всех врачей были воинские звания. Его расформировали в 1947-м. Война закончилась, но госпитали еще были нужны, два года после победы я работала в одном из них в Калинине.

— А что стало с Баловым и Драгуном?

— Продолжили воевать, они же были военнообязанными, а мы работали как вольнонаемные, поэтому нам за границу не разрешили выехать.

ФАШИСТЫ ПЛЕВАЛИ НА КОНВЕНЦИИ

В Улан-Удэ было сформировано два пассажирских санитарных поезда: № 676 и 677 (или 678). На ЛВРЗ их переоборудовали под раненых, убрали все купе, установили в два яруса носилки.

Наш поезд, к счастью, избежал бомбежки. А вот первый улан-удэнский санитарный поезд разбомбили…

Поезда, хотя над ними развивались флаги с Красным Крестом, бомбили. Как сейчас, так и тогда. Фашисты обстреливали военные госпитали, санитарные поезда, нападали на медсанбаты, хотя это было запрещено международными конвенциями. Но что для фашистов Красный Крест!? Ничего, пустой звук.

— Нина Ивановна, какой эпизод Вам больше всего запомнился?

— Бегали за углем на больших станциях. Однажды я пошла за водой, поезд тронулся, и я не успела заскочить. Подцепилась за подножку и не успела, упала. Наши увидели и забили тревогу, на первой же большой станции сообщили обо мне.

Я пошла вслед за своим поездом, в телогреечке и береточке с Красным Крестом. Встретился путеобходчик: «Ты куда такая идешь?». Объяснила. «Я сейчас сообщу». Но наши уже, как я сказала, предупредили. На каждой большой станции располагалась военная комендатура, куда нужно было обратиться. И вот на станции Бугульма, когда я пришла туда, сказали: «Жди свой поезд». Я его, оказывается, обогнала на другом, скором. Смотрю, поезд санитарный проскочил, с красным крестом! «Боже, мой поезд!». «Сиди-сиди, он сейчас остановится». Так я к своим и попала.

СПРАВКА

Подвиги санитарных дружинниц и медицинских сестер в Великую Отечественную войну являются одной из самых ярких страниц истории Советского Красного Креста. Они работали в частях Советской Армии, военно-санитарных поездах, партизанских отрядах, тылу, системе местной противовоздушной обороны, оказывали первую медицинскую помощь на полях сражений, выносили раненых, выхаживали и возвращали в строй. Более 1 миллиона подготовленных санитарных дружинниц в годы войны содержали в надлежащем санитарном состоянии предприятия, магазины, столовые, школы, вокзалы, жилища.

— Вы сами попросились на фронт, было страшно?

— Нет, не было страшно. Ведь мы все хотели защитить свою Родину.

Помню, как Ржев был сметен, одна земля была... Мы его проезжали, жутко было смотреть. Мне тогда было 19 лет.

— Столько пережили в таком возрасте...

— Мы с детства многое пережили, когда без отца росли...

А бомбежки запомнила. Как-то я дежурила у телефона. Немцы совершали налеты под вечер или ночью. Один снаряд упал недалеко от станции, где мы стояли, и осколок пролетел мимо моего стола вниз. Немцы бомбили поезда, зная, что везут солдат и военную технику, обязательно бомбили вокзалы — оперативные пункты, стратегически важные объекты.

РАЗГОВОР СО СТАЛИНЫМ

Я дежурила в тот день. Вдруг звонок. Я, как голос услышала, чуть трубку не выронила! Голос Сталина сразу узнала!

У нас в диспетчерской стояло 3 телефона, один соединял с передовой, второй — с госпиталями, а третий — со Ставкой Верховного Главного Командования (СВГК). И звонок поступил именно оттуда, из ставки! Я как голос услышала страшно разволновалась, даже не могла понять, о чем Иосиф Виссарионович спрашивает. Вот такой эпизод был у меня на войне.

А как мы бинты стирали! В госпитале их не хватало, в свободное время стирали окровавленные бинты. Стираем-стираем, вода горячая, руки-то какие были, ногти отпарились, и их почти не было. Не считались с работой и временем, какую нужно — делали.

— Нина Ивановна, а День Победы где Вас застал?

— В городе Измайлов. Торжествовали все! Ночью передали, все вышли на площадь, музыка, парад. Все кричали: «Ура, Победа!».

С Ниной Глазковой беседовала Дулма Баторова